

От автора

За два с небольшим года с момента выхода первого издания, к моему удивлению, разошлось несколько тиражей книги. Это свидетельствует о широком интересе читателей к военной истории Отечества. Откликнулись не только ветераны, непосредственные участники Курской битвы, которые писали и звонили, критиковали и советовали, но, что отрадно, и совсем молодые люди, внуки и правнуки участников войны. Благожелательное отношение к моему труду подвигло меня на подготовку очередного издания книги, в котором постарался учесть конструктивную критику. Так, читатели первого издания этой книги в своих откликах справедливо отметили, что автор не уделил достаточного внимания попыткам некоторых историков и исследователей, главным образом западных, напрямую связать отмену Гитлером операции «Цитадель» с высадкой 10 июля войск союзников в Сицилии. В пятой главе книги я, на мой взгляд, достаточно подробно с привлечением мало известных фактов прослеживаю возможную связь между этими важными событиями.

В предлагаемом издании я, в частности, исправил некоторые ошибки, подмеченные читателями, уточнил состав войск сторон, принявших участие в сражении на отдельных его этапах, попытался точнее сформулировать выводы по решениям военачальников и действиям войск, которые не всегда совпадают с официальными взглядами. Между тем попытки исследователей переосмыслить некоторые события в свете появления неизвестных ранее фактов у нас до сих пор встречаются в штывы со стороны тех ученых и историков, которые в силу своего официального положения обязаны защищать любые, даже самые сомнительные решения и действия военного и политического руководства страны в военные годы. В связи с этим

иногда раздаются голоса с призывами заткнуть рот «очернителям» славных традиций Советской Армии. Это выступают люди, которые сделали патриотизм своей профессией, примитивно полагающие, что народ, патриотов нужно и можно воспитывать только на победах и положительных примерах. Это заблуждение. Им и невдомек, что настоящих патриотов можно воспитать только правдой. Кроме того, следует учитывать, что военную науку на основе «отретушированного» опыта войны развивать невозможно. На лжи нельзя построить новую армию. Правильная оценка прошлого может уберечь от ошибок в будущем. Но для этого надо иметь мужество посмотреть правде в глаза.

Некоторые читатели сетовали, что им порой трудно разобраться в калейдоскопе приводимых в тексте номеров частей, названий населенных пунктов, которых сейчас не найдешь на карте, и цифр. Признаю — грешен. Но чтобы обосновать свои выводы, пришлось использовать выдержки из архивных документов, в том числе и из первичных документов разгромленного вермахта, которые в качестве трофеев оказались в Национальном архиве (NARA) США. Их цитирование, несомненно, усложняет текст, затрудняет его восприятие. Но обойтись без этого не считаю возможным. Только таким способом, разбираясь в тех или иных деталях, можно доказывать несостоятельность некоторых стереотипов, укоренившихся в общественном сознании.

Наибольшие споры, в том числе и на форумах в Интернете, возникли по вопросу о высоких потерях наших войск. Это довольно болезненный вопрос для историографии минувшей войны. Поэтому некоторые авторы трудов по Курской битве (здесь речь не идет о недобросовестных журналистах, которые по поводу юбилеев и без всякого повода тиражируют обветшавшие мифы советского агитпропа) в своих исследованиях, претендующих на звание серьезных, предпочитают избегать высказываний по этому вопросу.

Уточненные мной цифры потерь наших войск, значительно отличающиеся от официальных цифр, и особенно их сопоставление с потерями вермахта, вызвали неоднозначную реакцию читателей. Говорить горькую правду не всегда приятно и еще неприятнее ее слышать. Но давно пора сказать народу правду, какой ценой завоевана Побе-

да, в том числе и победа под Курском. Иначе опять возобладает принцип — «мы за ценой не постоим». В книге приводится пример манипуляции цифрами потерь в людях войск Степного и Воронежского фронтов, что допустили авторы труда «Гриф секретности снят», чтобы сгладить шок от огромных потерь Воронежского фронта. По существу, я предъявил обвинение авторам в подлоге. Мне обещали ответить, но до сих пор — ни слуху ни духу. А что они могут ответить? Ведь я в своих выводах опираюсь на те же архивные документы, что и они.

А цена за победу под Курском заплачена непомерно большая. В результате печально знаменитого контрудару за один день 12 июля танковая армия Ротмистрова, которую планировали использовать в контрнаступлении на Харьков, потеряла половину своих танков. Сталин назначил комиссию Г.М. Маленкова, чтобы выяснить причины неудачи. Материалы этой комиссии до сих пор хранятся в Президентском архиве (бывшем архиве Генерального секретаря ЦК КПСС), куда простым исследователям доступа нет. Ее материалы до сих пор являются секретными и публикации в открытой печати не подлежат. Значит, выводы комиссии противоречат официально озвученной версии. Видимо, есть что скрывать: скорее всего, в докладе комиссии выявлены причины больших потерь, дана оценка решениям и действиям военачальников, по вине которых заплачена такая высокая цена за победу, названы их фамилии. История требует к себе уважения, то, что произошло, невозможно скрыть никакими грифами секретности. Умолчание и прямая ложь раздражают людей, побуждают их искать правду.

В настоящее время по прямому поручению Президента РФ В.В. Путина сотрудники Военно-мемориального центра Генштаба ВС РФ занимаются систематизацией данных о погибших воинах. Работа проводится на основе донесений частей о потерях, извещений военкоматов, а также списков захоронений советских солдат и офицеров. Несомненно, создание обобщенной базы данных (ОБД) о погибших и пропавших без вести — шаг в правильном направлении. Давно пора сосчитать павших защитников Родины, используя возможности Интернета. Но дело в том, что из многочисленных «котлов» и при отходе донесений из войск о потерях не присылали. Поэтому разница между данными создаваемой электронной базы и картотек без-

возвратных потерь Центрального архива может составить не один миллион человек. Можно только посочувствовать авторам проекта, когда на них обрушится шквал запросов — почему не включили моего отца (деда или уже прадеда), который, по данным ЦАМО, числится пропавшим без вести или погибшим?

За последние годы работниками ЦАМО проведена большая работа по упорядочению учета безвозвратных потерь и устранению дублирующих сведений. Из картотек исключены военнослужащие, снятые с учета безвозвратных потерь, как оказавшиеся живыми, а также дезертиры, осужденные и направленные в места заключения, приговоренные трибуналами к высшей мере наказания (т.е. расстрелянные). Стоит заметить, что исключение расстрелянных по приговорам трибуналов военнослужащих вряд ли оправдано, так как они, безусловно, относятся к безвозвратным потерям. Тем более что некоторые из них впоследствии были реабилитированы, как, например, генерал армии Д.Г. Павлов и другие генералы из командования Западным фронтом, расстрелянные вместе с ним в июле 1941 г.

К концу 2007 года в результате побуквенного обчета оставшихся карточек безвозвратные потери Вооруженных Сил в минувшей войне составили несколько больше 13 271 тыс. человек (напомню: по официальным данным, потеряно 8668,4 тыс.). Так что публичные выступления некоторых больших начальников о том, что они сами до сих пор числятся в картотеках погибшими или пропавшими без вести, безосновательны. Подобными заявлениями пытаются подорвать доверие к данным картотек безвозвратных потерь офицеров, рядового и сержантского состава ЦАМО. Потому что признание этих данных соответствующими реалиям поставит под сомнение (слишком велика разница!) официальные общие цифры потерь. Придется пересматривать все расчеты авторов труда «Россия и Советский Союз в войнах XX века», причем в большую сторону. А делать это заинтересованные ведомства не хотят: при сопоставлении результатов операций и сражений с величиной потерь, понесенных советскими войсками (особенно в сравнении с потерями противника), придется переосмысливать некоторые победные реляции и роль в войне отдельных больших военачальников. При этом мо-

гут лопнуть, как мыльные пузыри, многие мифы и легенды, созданные не очень умной советской пропагандой.

Представляя на суд читателей четвертое издание книги, хочу подчеркнуть, что не претендую на полноту исследования заявленной темы. В связи с приказом Министра обороны № 181 от 8 мая 2007 г. о снятии грифов секретности с архивных документов Красной Армии и ВМФ за период Великой Отечественной войны перед историками открываются новые возможности для более глубокого ее исследования. В заключение выражаю самую искреннюю благодарность всем, кто помогал мне в этой трудной работе.

*Профессор Академии военных наук,
член Союза журналистов России
и Ассоциации историков Второй мировой войны,
полковник в отставке Л.Н. Лопуховский.
23 февраля 2008 г.*

Предисловие

Прошло более 60 лет с тех пор, как на Курской дуге были окончательно похоронены надежды гитлеровского командования захватить стратегическую инициативу на Восточном фронте. Но подробности летних сражений 1943 года по-прежнему привлекают внимание ветеранов, военных специалистов, отечественных и зарубежных историков и всех тех, кому дорога память о советских войнах, отдавших жизнь за свободу и независимость нашей Родины. За прошедшие десятилетия проделана огромная работа по изучению битвы, результатом которой стало завершение коренного перелома не только в Великой Отечественной, но и в мировой войне.

Курская битва продолжалась 50 дней и ночей — с 5 июля по 23 августа 1943 года — и отличалась исключительной напряженностью и ожесточенностью борьбы. Она включила в себя три крупные стратегические операции советских войск — курскую оборонительную (5—23 июля), орловскую (12 июля — 18 августа) и белгородско-харьковскую (3—23 августа) наступательные операции. По своему размаху, привлекаемым силам и средствам, результатам и военно-политическим последствиям она является одной из крупнейших битв Второй мировой войны.

Это колоссальное по масштабам привлечения военной техники сражение стало поистине войной моторов, так как противоборствующие стороны сделали основную ставку на бронетанковые войска как на главную ударную силу. С обеих сторон в боях участвовало 13 тысяч танков, самоходных и штурмовых орудий, до 70 тысяч артиллерийских орудий и минометов, около 12 тысяч самолетов и более 4 млн солдат и офицеров.

Фашистская Германия использовала в битве более 20 танковых и моторизованных дивизий групп армий «Центр» и «Юг», что составило 43 процента от общего

числа дивизий на всем советско-германском фронте. При чем в состав ударных группировок враг включил лучшие танковые дивизии полевых войск СС и вермахта. Для их поддержки с воздуха гитлеровское командование стянуло в район операции до 80% своей авиации на Восточном фронте — до 2100 самолетов. Возглавляли немецкие войска опытные генерал-фельдмаршалы Клюге и Манштейн.

С нашей стороны в битве приняли участие 22 общевойсковые армии пяти фронтов, все пять имеющихся танковых армий, все 23 танковых корпуса, 6 из 13 механизированных корпусов, до 20 отдельных танковых бригад, более 60 отдельных танковых и около 30 самоходно-артиллерийских полков, 6 воздушных армий и авиация дальнего действия. Войсками Центрального и Воронежского фронтов, противостоящих противнику, командовали не менее опытные генералы К.К. Рокоссовский и Н.Ф. Ватутин. За этими фронтами были развернуты армии Степного фронта генерала И.С. Конева. Координацию действий фронтов осуществляли маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский.

Развернувшиеся в ходе битвы танковые сражения были непревзойденными как по количеству участвовавшей в них бронетехники, так и по потерям с обеих сторон. Среди них особо выделяется Прохоровское встречное танковое сражение, о котором народы стран антигитлеровской коалиции узнали из обстоятельных статей в газете «Красная Звезда» в том же 1943 году. Но особую известность события под Прохоровкой приобрели после выхода в свет мемуаров командующего 5-й гвардейской танковой армией П.А. Ротмистрова. Чтобы понять и верно оценить роль и значение боев под Прохоровкой, надо вернуться к началу битвы.

Внимание командования обеих сторон к Курскому выступу, который образовался в результате наступления Красной Армии и последующего контрнаступления немецко-фашистских войск, было приковано сразу после окончания зимней кампании. Выступ на 200 км вдавался в расположение врага. Располагавшиеся в нем войска Центрального и Воронежского фронтов угрожали флангам и тылам немецких групп армий «Центр» и «Юг». В свою очередь, противник, владея орловским и белгородско-харьковским плацдармами, расположенными севернее и южнее выступа, имел возможность нанести мощные удары

по сходящимся направлениям, окружить и разгромить почти полуторамиллионную группировку советских войск.

12 апреля после всестороннего анализа обстановки Ставка ВГК приняла решение о создании на Курском выступе прочной обороны. Последующие события показали, что беспрецедентное в военном искусстве решение о временном переходе к преднамеренной обороне в условиях значительного превосходства в силах над противником было в данном случае наиболее рациональным способом стратегических действий.

Было известно, что гитлеровское командование в целях достижения быстрого успеха в операции сделало ставку на массированное применение бронетехники в первом оперативном эшелоне, в том числе новейших танков Т-V («пантера»), Т-VI («тигр») и штурмовых орудий «фердинанд». Эти машины обладали мощной броневой защитой, достигавшей 100 и даже 200 мм, и сильным артиллерийским вооружением. Их 75-мм и 88-мм танковые пушки имели начальную скорость бронебойного снаряда до 925—1000 метров в секунду, а дальность прямого выстрела составляла 1,5—2,5 км, превышая соответствующую дальность 76-мм пушки основного советского танка Т-34 в 2,5 раза. Кроме танков, в составе соединений противника имелось значительное количество штурмовых орудий, которые также обладали высокой бронепробиваемостью при стрельбе на 1000 м снарядами: бронебойным — 60 мм, подкалиберным — 82 мм и кумулятивным — 100—120 мм. В состав артполков танковых дивизий СС были включены дивизион бронированных самоходных 150-мм гаубиц «Хуммель» и 105-мм гаубиц «Веспе». Это значительно повысило мобильность полевой артиллерии и обеспечивало непрерывную огневую поддержку танковых частей. Кроме того, самоходные гаубицы с успехом применялись и для поражения танков огнем прямой наводкой. Установленная на боевых машинах отличная цейссовская оптика обеспечивала высокую точность стрельбы.

Так что, вопреки утвердившемуся в обыденном сознании стереотипу, немецкие танки и штурмовые орудия к лету 1943 года по многим важнейшим параметрам превосходили наши танки и САУ. За счет повышения огневой мощи и усиления бронирования танков противнику удалось временно достичь некоторого качественного преимущества своих танковых войск над советскими.

Наши войска готовились встретить танковую армаду врага — вся оборона строилась прежде всего как противотанковая. Используя почти трехмесячное относительное затишье в боях, они создали глубоко эшелонированную оборону, общая глубина которой составила 250— 300 км. Оборонительные рубежи выбирались с расчетом перехвата возможных направлений ударов противника, а также на случай его вклинения в оборону.

Накануне наступления Гитлер, обращаясь к солдатам и офицерам, участвующим в операции «Цитадель», заявил: «И вы должны знать, что от исхода этой битвы может зависеть все. Я как солдат ясно понимаю, чего требую от вас. В конечном счете мы добьемся победы, каким бы жестоким и тяжелым ни был тот или иной отдельный бой!» Обращение фюрера оказалось пророческим. Сражение действительно оказало влияние на исход войны, вот только победы добились не германские, а советские войска.

Здесь нет смысла излагать содержание курской оборонительной операции: в книге подробно рассматриваются боевые действия войск сторон. Кратко напомним лишь основные события.

Битва началась утром 5 июля — ударные группировки противника атаковали оборону советских фронтов, стремясь на четвертый день операции «Цитадель» соединиться восточнее Курска. Завязались ожесточенные бои. На севере войска Центрального фронта сумели отразить удар группировки Моделя в пределах тактической зоны обороны без привлечения стратегических резервов. На южном же фланге Курского выступа войска Воронежского фронта оказались в более сложном положении. В связи с подавляющим превосходством противника в силах, прежде всего в танках, на избранных им направлениях ударов и господством его в воздухе остановить врага в пределах главной полосы обороны не удалось.

Запланированный на второй день операции фронтовой контрудар был отменен не без вмешательства И.В. Сталина. О драматических обстоятельствах отмены запланированного контрудара рассказал в своих воспоминаниях командующий 1-й танковой армией генерал М.Е. Катукон. Он уже знал о неблагоприятном исходе боя передовых танковых бригад с наступающей танковой армадой врага. И в разговоре с Верховным Главнокомандующим Михаил

Ефимович не испугался высказать свое несогласие с решением о нанесении контрудара. Не каждый на его месте смог бы решиться на такой шаг — ведь его могли обвинить в неисполнительности и даже в трусости. Но Сталин знал Катукова еще по трагическим событиям 41-го года, когда он, командуя 4-й танковой бригадой, смог задержать наступление превосходящих сил Гудериана под Орлом и Мценском.

В случае нанесения контрудара противник получил бы возможность максимально использовать свое качественное превосходство в танковом вооружении. Ведь наши танки встретили бы огнем не только «пантеры» и «тигры», но и модернизированные танки Т-IV, которые составляли основу танкового парка дивизий противника. На них также установили более мощную длинноствольную 75-мм пушку (длина ее была увеличена с 24 до 48 калибров), обеспечивающую высокую начальную скорость снаряда, а значит, и более высокую бронепробиваемость. Эти средние танки превосходили советские вплоть до середины 1944 года, когда в наши войска начали поступать в массовом количестве танки Т-34-85 с новой 85-мм пушкой. Наконец, следовало учитывать, что немцы, зная нашу тактику, на флангах участков прорыва выставляли противотанковые заслоны. В противотанковых дивизионах танковых дивизий, кроме буксируемых противотанковых орудий, имелось значительное количество 75-мм и 76,2-мм противотанковых САУ «Мардер». При расчетах соотношения сил и средств почему-то забывают об этих САУ, которые по некоторым показателям превосходили наши СУ-76 и СУ-122.

К чему мог привести бой на открытой местности с танковым клином врага в условиях господства его авиации в воздухе, говорят результаты контратаки в этот же день 5-го гв. танкового корпуса. Его части были остановлены мощным огнем танков и противотанковых средств противника, а затем окружены. Корпус в первом же бою потерял половину своих танков. Поэтому последовавшее решение командующего фронтом задействовать соединения армии Катукова и резервных танковых корпусов для усиления обороны второй полосы с учетом складывающейся обстановки было вполне обоснованным. Танковые подразделения как бы цементировали оборону стрелковых частей.

Тем не менее, несмотря на ввод в сражение резервов фронта, противник неожиданно быстро — за первые два дня наступления — сумел преодолеть главную и вторую полосы обороны Воронежского фронта. Уже к исходу 6 июля его передовой отряд вышел к армейскому (тыловому) оборонительному рубежу в районе станции Прохоровка, до которой оставалось 10 км. Возникла угроза оперативного прорыва. И лишь упорное сопротивление соединений 1-й танковой армии и контрудары по правому флангу вклинившейся группировки не позволили корпусу СС с ходу прорвать армейский оборонительный рубеж в направлении Прохоровки.

Основная причина столь быстрого продвижения противника — просчет Ставки и командования Воронежского фронта в определении силы и направления главного удара группы армий «Юг». Позднее Г.К. Жуков признал, что «на самом деле более сильной оказалась группировка против Воронежского фронта. <...> Этим в значительной степени и объясняется то, что Центральный фронт легче справился с отражением наступления противника, чем Воронежский». И далее: «<...> по 6-й и 7-й гвардейским армиям Воронежского фронта противник в первый день нанес удар почти пятью корпусами, <...> тогда как по обороне Центрального фронта — тремя корпусами». Кроме того, командование этого фронта к началу операции рассредоточило силы и средства фронта в полосе трех армий первого эшелона из четырех. И наращивать усилия на выявленном направлении главного удара противника пришлось уже в ходе операции в условиях острого недостатка времени и под непрерывными ударами с воздуха. Это не всегда удавалось сделать своевременно.

Ставка потребовала остановить стремительное продвижение на рубеже р. Псёл, захватив в свои руки инициативу. Н.Ф. Ватутин решил добиться перелома в обстановке контрударом по правому флангу вклинившейся группировки противника силами четырех танковых корпусов (в том числе 2-м танковым корпусом, переданным с Юго-Западного фронта, и 10-м — со Степного). Выполнить поставленные задачи войскам 8 июля не удалось, но было выиграно время для усиления угрожаемого направления за счет маневра с неатакованных участков фронта и выдвижения резервов из глубины. И к 9 июля войска 6-й и 7-й гвардейских, 69-й и 1-й танковой армий совместно с ре-

зервами фронта в основном приостановили продвижение противника на обояньском и корочанском направлениях. В целом оборона устояла, гитлеровцы понесли большие потери, и отсечь Курскую дугу до подхода стратегических резервов Ставки им не удалось.

К этому времени Ставка ВГК заблаговременно выдвинула в полосу фронта 5-ю гв. армию генерала А.С. Жадова и 5-ю гв. танковую армию генерала П.А. Ротмистрова, которые вообще-то предназначались для использования в контрнаступлении в момент, когда противник полностью исчерпает свои силы. Танковая армия немногим более чем за сутки совершила марш своим ходом в 200—220 км и к утру 8 июля сосредоточилась на западном берегу р. Оскол. В районе дневки соединения армии приводили в порядок материальную часть. В связи с ухудшением обстановки в полосе фронта армия вновь совершила 100-километровый бросок и к исходу 9 июля сосредоточилась в районе Бобрышево, Веселый, Александровский.

С 10 июля противник переносит основные усилия на прохоровское направление, рассчитывая прорваться к Курску в обход Обояни. Благодаря принятым мерам по усилению угрожаемого направления, мужеству и героизму советских воинов противник за два дня — 10 и 11 июля — продвинулся всего на 6—7 км. Создалось впечатление, что он начал выдыхаться. Ватутин и Василевский пришли к выводу, что решительного срыва наступления врага и разгрома его вклинившейся группировки можно добиться только мощным контрударом войск Воронежского фронта, усиленного за счет стратегических резервов.

С вводом в сражение двух гвардейских армий количественное превосходство в силах и средствах над противником на прохоровском направлении стало еще большим. В контрударе Воронежского фронта участвовали пять армий — 5, 6 и 7-я гвардейские общевойсковые, 5-я гвардейская и 1-я танковые. Судя по привлекаемым силам и задачам, поставленным армиям, фронтовой контрудар преследовал решительную цель — окружить основные силы вклинившейся группировки противника, завершить ее разгром и восстановить утраченное положение. В случае успеха контрудар должен был перерасти в контрнаступление. Основную роль в осуществлении этого замысла должна была сыграть 5-я гв. танковая армия, которая наносила удар с рубежа Веселый, Михайловка, Ямки, Беленихино

(планировавшийся ранее более выгодный рубеж ввода армии в сражение — Васильевка, совхоз Комсомолец, Беленихино накануне был захвачен противником) в направлении на Грезное, Бол. Маячки, Яковлево совместно с частью сил 5-й гв. армии.

В ходе контрудара юго-западнее Прохоровки произошел бой между основными силами 5-й гв. танковой армии и 2-м танковым корпусом СС. Командующий танковой армией в своих мемуарах написал, что 12 июля 1943 года произошло беспрецедентное в истории войн по своему размаху встречное танковое сражение, широко известное под названием Прохоровского побоища. На небольшом участке местности с обеих сторон одновременно участвовали свыше 1500 танков, значительное количество артиллерии и крупные силы авиации. Далее он сделал вывод, что в результате удара, нанесенного 5-й гв. танковой армией во взаимодействии с другими войсками, главная вражеская группировка, наступавшая на Прохоровку, была разгромлена. По его мнению, 12 июля стало днем кризиса немецкого наступления — фашистское командование вынуждено было отказаться от наступления и перейти к обороне.

Столь явное преувеличение заслуг армии (и ее командования) вызвало реплику из уст Г.К. Жукова о нескромности командарма. В целом контрудар замедлил продвижение врага, но поставленных Ставкой ВГК целей по ряду причин полностью достичь не удалось. Не удалось и перехватить инициативу, что серьезно осложнило дальнейшие действия войск фронта. Оборонительные бои в районе Прохоровки приняли довольно затяжной характер и продолжались до 16 июля включительно.

С легкой руки П.А. Ротмистрова многодневные бои в районе ставшей широко известной станции в массовом сознании до сих пор ассоциируются только с этим контрударом. Этот стереотип абсолютно неправомерен, потому что противоречит исторической правде и, кроме того, несправедлив по отношению к усилиям солдат и офицеров других армий, которые вели упорные и тяжелые бои и до, и после 12 июля. В донесении Ватутина Сталину в 24.00 12 июля 1943 г. не было ни слова о встречном танковом сражении и разгроме противника. Армия Ротмистрова в этот день понесла огромные потери, и для продолжения контрудара у Ватутина не осталось достаточных сил и средств. Уже на другой день он просит у Сталина допол-

нительно три корпуса (напомним, что фронт до 11 июля получил на усиление семь корпусов, в том числе четыре танковых и один механизированный) под предлогом, что имеющихся сил для решительного окружения и разгрома противника оказалось недостаточно.

Интересно, что российские историки в наше время отказались от категорического вывода, изложенного в советской военной энциклопедии издания 1978 года, — «сражение выиграли советские войска». В статье новой военной энциклопедии впервые официально признается, что 5-я гв. танковая армия, понесла большие потери (около 3 тыс. человек убитыми и ранеными, танков и САУ безвозвратно — 350, повреждено — 420) и использовав свой второй эшелон и резерв для борьбы на флангах, не смогла развить успех на главном направлении и была вынуждена закрепиться на достигнутом рубеже. Но далее авторы статьи повторяют вывод 30-летней давности (только другими словами). Якобы успешное нанесение контрудара советскими войсками и срыв наступления немецких танковых группировок под Прохоровкой были обусловлены правильным выбором времени его нанесения, скрытым выдвижением крупной советской танковой группировки к рубежу ввода в сражение, умелым маневром силами и средствами на поле боя. К сожалению, это не совсем соответствует действительности.

Здесь ни в коем случае не ставится под сомнение конечный результат оборонительной операции Воронежского фронта. Речь идет лишь о более реалистичной оценке контрудара 12 июля. Кризис немецкого наступления возник не в результате контрудара под Прохоровкой, а в связи с переходом в контрнаступление войск Брянского и Западного фронтов. Угроза разгрома немецко-фашистских войск в районе Орла вынудила Гитлера остановить операцию «Цитадель». Задуманная гитлеровцами с далеко идущими целями, она провалилась в результате в целом успешных действий наших войск. Войска Воронежского фронта выиграли многодневное сражение под Прохоровкой. Восстановив оборону в основном по рубежу, занимаемому до начала немецкого наступления, они успешно завершили оборонительную операцию, создав условия для последующего перехода наших войск в стратегическое контрнаступление практически без оперативной паузы.

Попытки некоторых историков, главным образом за-

падных, связать крах операции «Цитадель» с высадкой войск союзников 10 июля 1943 года в Сицилии, которая якобы вынудила Гитлера вывести из боя танковый корпус СС, несостоятельны. Решение о прекращении операции Гитлер принял 13 июля, и с переброской корпуса СС в Южную Италию все равно опоздали. В конечном итоге корпус был оставлен на Восточном фронте (за исключением тд «Адольф Гитлер», отправленной в Италию без танков и другого тяжелого вооружения) для ликвидации многочисленных кризисов, возникших в ходе летнего наступления советских войск. Миф о личной ответственности Гитлера за неудачи на Восточном фронте неоднократно использовали битые гитлеровские генералы. В их числе был и Манштейн, который утверждал, что Гитлер, запретив использовать в переломный момент сражения резервный 24-й танковый корпус, лишил его заслуженной победы.

К сожалению, за прошедшие десятилетия бои под Прохоровкой были окутаны мифами и неумеренным славословием. Советской пропаганде важно было показать преимущества советского строя и непогрешимость политического и военного руководства. Поэтому в официальных изданиях и в мемуарах советских военачальников при описании событий Второй мировой войны порой не считались с очевидными фактами, искажали соотношение сил и средств сторон в сражениях, всячески завышали потери противника и умалчивали о своих. Закрытость наших архивов и наличие военной и идеологической цензуры длительное время не позволяли с достаточной степенью достоверности раскрыть характер боевых действий в ходе оборонительной операции в июле 1943 года, одним из этапов которой является Прохоровское сражение. Это, прежде всего, касалось результатов контрудара и реальных потерь сторон в живой силе и технике.

Против мифов, созданных советским агитпропом вокруг «величайшего встречного танкового сражения», одним из первых, насколько нам известно, выступил участник тех боев в звании лейтенанта генерал-майор в отставке Г.А. Олейников. Ветеран в своей книге «Прохоровское сражение (июль 1943 года)», изданной в 1998 году мизерным тиражом — всего 200 экз., предложил расширить временные рамки Прохоровского сражения, выделив его в отдельный этап оборонительной операции фронта, — с 10 по 15 июля¹. К сожалению, автору не удалось избежать

серьезных ошибок относительно боевого состава ударной группировки Манштейна.

За ним эту тему на основе более широкого привлечения архивных материалов подхватил в 2002 году историк В.Н. Замулин в военно-историческом очерке «Прохоровское сражение»². Оба упомянутых автора ввели в научный оборот много неизвестных и малоизвестных документов, скрытых до этого в недрах ЦАМО. Так, В.Н. Замулин впервые, на основе архивных материалов, опубликовал данные о потерях 5-й гв. танковой армии в бронетехнике под Прохоровкой 12 июля с разбивкой их по соединениям и типам боевых машин. Он же, являясь заместителем директора Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле», дополнил свое повествование воспоминаниями ветеранов, хранящимися в фондах музея. В последующем В.Н. Замулин и Л.Н. Лопуховский выступили в журнале «Военно-исторический архив» с очерком «Прохоровское сражение: мифы и реальность», в котором попытались, проследив реальные обстоятельства боев под Прохоровкой, вскрыть причины неудачи контрудара и высоких потерь наших войск³.

Странно, но советские авторы фундаментальных исследований Курской битвы почти не использовали документы другой стороны, в частности, данные военного архива ФРГ. Видимо, потому, что они не вписывались в идеологические рамки, очерченные военным отделом ЦК КПСС. На состоявшейся в 1968 году военно-научной конференции, посвященной 25-й годовщине победы в битве под Курском, которая вызвала большой интерес общественности, не нашли отражения многие аспекты сражений в июле — августе 1943 года. Поэтому в заключительной статье сборника, в котором были обобщены материалы конференции, было подчеркнуто, что **«при изучении Курской битвы необходимо обращать внимание не только на положительный, но и на отрицательный опыт, поскольку последний бывает не менее ценным для извлечения практических уроков»**. Далее, по существу, от имени редакции сборника, был сделан довольно смелый для того времени вывод: **«При исследовании событий Курской битвы, как и других битв и операций минувшей войны, крайне желательно подвергнуть специальному рассмотрению вопрос о потерях, показав при этом соответствие затрат достигнутому результатам. Всестороннее раскрытие этого важного вопроса по-**

зволюло бы увидеть сравнительный вклад фронтов и армий в общее дело разгрома врага под Курском, дало бы возможность более объективно оценить роль отдельных объединений и военачальников в достижении победы в Курской битве»⁴.

К сожалению, чтобы ответить на поставленные острые вопросы, не хватило и трех с половиной последующих десятилетий. Между тем интерес к Прохоровскому сражению не спадает. В научный оборот вводятся все новые и новые документы советских и немецких архивов, использование которых позволило по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные события. Однако давно обветшавшие стереотипы оказались весьма живучими. В многочисленных публикациях, особенно приуроченных к юбилеям битвы, по-прежнему повторяются легенды и домыслы, рожденные на основе требований советской идеологической и военной цензуры.

Автор предлагаемой вниманию читателя книги — кандидат военных наук, член Союза журналистов России полковник в отставке Л.Н. Лопуховский — неоднократно выступал в печати, пытаясь найти ответы на некоторые вопросы, связанные с событиями, разыгравшимися на южном фланге Курского выступа⁵. На основе анализа документов советских и немецких военных архивов он показывает реальный боевой состав войск противостоящих сторон, сложившееся соотношение в силах и средствах по этапам операции и ход боевых действий. Сопоставление документов наших и немецких архивов позволило ему обратить внимание на противоречия в изложении противоборствующими сторонами одних и тех же событий и выявить целый ряд случаев намеренного искажения истины в описании боевых действий в наших официальных изданиях и мемуарной литературе.

Приводимые в книге факты еще раз подтверждают вывод, что 12 июля под Прохоровкой между рекой Псел и железной дорогой не было встречного танкового сражения, как не было и превосходства противника в танках. Враг подготовился к отражению контрудара, попытавшись одновременно охватить фланги нашей основной танковой группировки. Двум танковым корпусам Ротмистрова на «танковом поле» противостояла танковая дивизия «Адольф Гитлер», фланги которой обеспечивали частью сил две другие танковые дивизии СС. Только в этой дивизии, по которой пришелся удар главных сил нашей

танковой армии, в числе 60 линейных танков было 47 модернизированных Т-IV и 4 Т-VI («тигр»). И, кроме того, 49 бронированных самоходных установок, в том числе: 20 «Мардер», 5 150-мм гаубиц «Хуммель» и 12 105-мм «Веспе», 12 «Грилле», а также не менее 51 противотанкового орудия. Действия корпуса СС поддерживало порядка 150—160 полевых орудий, не считая шестиствольных минометов. Всего в обороне дефиле было задействовано не менее 300 средств борьбы с танками при средней их плотности более 40 единиц на 1 км фронта.

Преодолеть такую оборону можно было только при условии надежного ее подавления. К сожалению, командованию Воронежского фронта не удалось надежно обеспечить успешный ввод в сражение танковой армии огнем артиллерии и ударами авиации. Несмотря на двойное численное превосходство 5-й гв. танковой армии в танках, сломить сопротивление противника на направлении главного удара не удалось, и к вечеру ее соединения, потеряв сторевавшими и подбитыми около 500 танков и САУ, перешли к обороне.

Противник также понес большие потери, но сохранил боеспособность. В течение 13—15 июля он сумел провести частную операцию по окружению соединений 48-го стрелкового корпуса 69-й армии, избежать которого удалось с большим трудом и значительными потерями в людях, вооружении и технике. Ватутин 16 июля был вынужден отдать приказ о переходе к упорной обороне и создании главной и второй оборонительных полос с готовностью к 5.00 17 июля. Как раз в этот день противник начал отвод своих главных сил из района вклинения.

В книге делается серьезная попытка найти ответы на наиболее острые вопросы, касающиеся оборонительной операции и Прохоровского сражения. Например, почему противнику удалось сравнительно быстро преодолеть тактическую зону обороны, которая готовилась в течение трех месяцев? Почему контрудар 5-й гв. танковой армии вылился в лобовое столкновение с наиболее сильной группировкой противника, в чем причины его неудачи? Почему, несмотря на ввод в сражение двух свежих армий — более чем стотысячной группировки, в составе которой было 700 танков и САУ, не удалось добиться решительного разгрома противника?

В доказательство своих выводов автор неоднократно

ссылается на письмо Ротмистрова Жукову от 20 августа 1943 г., в котором командарм более реально оценивает вклад армии в успех операции и косвенно оправдывается в неудаче контрудара:

«<...> Когда же немцы своими танковыми частями переходят, хотя бы временно, к обороне, то этим самым они лишают нас наших маневренных преимуществ и, наоборот, начинают в полной мере применять прицельную дальность своих танковых пушек, находясь в то же время почти в полной недосыгаемости от нашего прицельного танкового огня <...> Таким образом, при столкновении с перешедшими к обороне немецкими танковыми частями мы, как общее правило, несем огромные потери в танках и успеха не имеем»⁶.

В книге совершенно справедливо уделяется должное внимание действиям 1-й танковой армии, роль которой в операции в официальных источниках незаслуженно принижена. Армия М.Е. Катюкова совместно с 2-м и 5-м гвардейскими, 2-м и 10-м танковыми корпусами и войсками 6-й гв. армии упорной обороной сумела остановить противника на обоянском направлении, нанеся ему большой урон в людях и бронетехнике. В наступавшем 48-м танковом корпусе противника к 10 июля оставалось примерно 200 танков и штурмовых орудий из 550 по состоянию на 4 июля, остальной бронетехнике требовался ремонт. При этом 1-я танковая армия за четверо суток (с 6 по 9 июля) ожесточенных боев с более сильной группировкой противника потеряла значительно меньше танков (453, из них безвозвратно — 220), чем армия Ротмистрова за один день 12 июля. Вопреки утверждениям официальных источников, 5-й гвардейский и 10-й танковые корпуса, действовавшие в ее составе, добились весомых результатов в ходе фронтового контрудара 12 июля. Они сковали соединения 48-го танкового корпуса противника, не позволив использовать их на прохоровском направлении.

Здесь необходимо остановиться еще на одной существующей точке зрения по поводу результатов боев под Прохоровкой. Некоторые горячие головы, не согласные с однозначным выводом официальных советских историков об успехе контрудара 12 июля, бросаются в другую крайность. Они считают, что 5-я гв. танковая армия под Прохоровкой потерпела поражение, а войска Воронеж-

ского фронта проиграли начатое 12 июля контрнаступление. В печати можно встретить даже утверждения, что немцы захватили Прохоровку и контролировали ее вплоть до 17 июля, когда оставили в рамках начавшегося планомерного отхода. В немецких документах действительно упоминается захват небольшой деревушки Прохоровка на южном берегу р. Псёл (до войны в ней было всего 49 домов). Но ее не надо путать с поселком Прохоровка, получившим это название по одноименной станции, входившей в годы войны в пределы крупного поселка Александровский (770 домов).

Автор решительно выступает против подобной точки зрения. Он показывает, что в стратегическом и в оперативном отношении исход оборонительной операции Воронежского фронта был предрешен, несмотря на некоторые просчеты нашего командования и неудачи в тактическом плане. Цель обороны заключается в отражении наступления противника. И она была достигнута. Наши войска не допустили прорыва армейского оборонительного рубежа, сохранив в целом оперативную устойчивость обороны, нанесли врагу такие потери, что он был вынужден в конечном итоге отказаться от продолжения наступления.

По-прежнему самым злободневным был и остается вопрос о потерях. Каждая сторона неизменно пытается преувеличить потери противника и преуменьшить свои. В книге впервые на основе архивных документов приводятся малоизвестные данные по потерям армий и отдельных соединений Воронежского фронта в операции и в Прохоровском сражении в живой силе, вооружении и боевой технике, сделана попытка на основе архивных документов обеих сторон сопоставить их с потерями противника. Наши потери в людях, к сожалению, оказались значительно выше цифр, указанных в статистическом исследовании «Гриф секретности снят». Автор не согласен с распределением потерь между Воронежским и Степным фронтами, представленным в этом исследовании, и, на наш взгляд, убедительно обосновывает свою точку зрения.

Иногда в связи с большими потерями в оборонительной операции высказывается мысль, что лучше было, используя наше превосходство в силах, упредить противника в переходе в стратегическое наступление и что решение о преднамеренной обороне — ошибка. Проще всего да-

вать оценки сейчас, когда известны последствия того или иного решения. Автор подробно останавливается на этом вопросе, доказывая ошибочность предлагаемого варианта действий, который в данных конкретных условиях был бы только на руку врагу. По его мнению, ошибка не в том, что перешли к преднамеренной обороне, а в том, что не сумели в полной мере использовать ее преимущества.

Начальник разведки 21-й гв.
тбр 5-го гв. тк капитан
Андроников Н.Г.

В Курской оборонительной операции был сорван план немецкого командования по окружению и разгрому более чем миллионной группировки советских войск. В ходе контрнаступления войска Воронежского и Степного фронтов отбросили врага в южном и юго-западном направлениях на 150 км, создав тем самым предпосылки для перехода советских войск в общее наступление. Его попытка путем проведения операции «Цитадель» захватить стратегическую инициативу на летнюю кампанию 1943 года была сорвана. Реванш за Сталинград не состоялся.

Начиная с 12 июля по 18 августа перешли в наступление восемь советских фронтов, которые наносили по врагу согласованные по месту и времени мощные удары на фронте до 2 тысяч км — от Великих Лук до Азовского моря. И попытки представить операцию «Цитадель» и Курскую битву как незначительный эпизод войны, рожденный советской пропагандой, не выдерживают никакой критики. Генерал-инспектор бронетанковых войск Германии Г. Гудериан, лучше всех знавший положение в своем ведомстве, заявил: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска <...> из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя <...> Инициатива полностью перешла к противнику...»

Победа в Курской битве означала завершение корен-

ного перелома во Второй мировой войне. Здесь хотелось бы еще раз подчеркнуть, что основную роль в достижении победы в Прохоровском сражении и в целом в Курской битве сыграл советский солдат, от которого в конечном счете зависит осуществление всех замыслов и решений командиров. Именно он потом и кровью компенсировал все ошибки, просчеты и недоработки командования.

И прекрасный мемориал, возведенный на Прохоровском «танковом поле», — это дань памяти ратному подвигу всех советских воинов — танкистов, артиллеристов, летчиков, связистов, саперов, водителей, ремонтников, медиков и других великих тружеников войны.

Активный участник Курской битвы (капитан, заместитель начальника штаба 21-й гв. тбр 5-го гв. Сталинградского тк), профессор военной истории, лауреат Государственной премии СССР, полковник в отставке

АНДРОНИКОВ Н.Г.

14.01.2005 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Предисловие	10
Глава 1	
ПЕРЕД РЕШАЮЩЕЙ СХВАТКОЙ	
<i>Общая обстановка, сложившаяся к июлю 1943 года — Цели и планы сторон — Состав противостоящих группировок — Ставка ВГК принимает решение о преднамеренной обороне — Соотношение в силах и средствах на южном фланге Курского выступа — Построение обороны Воронежского фронта — Характеристика танковых соединений СС и вермахта — Боевой и численный состав ударных группировок противника. Улучшение качественных показателей его бронетехники — Обращение Гитлера к войскам накануне операции «Цитадель» — Сталин предупреждает войска о переходе противника в наступление в период 3—6 июля.</i>	27
Глава 2	
БИТВА НАЧАЛАСЬ	
<i>Бой за позицию боевого охранения 4 июля — Советский миф об эффективности контрподготовки — Манштейн наносит удар на двух направлениях — Фугасные огнеметы и собаки против танков — Прорыв противником главной полосы обороны — Отмена контрудара Воронежского фронта — Танковая армия и резервы в бою за вторую полосу обороны — Контрудар 8 июля и причины его неудачи — Почему противнику удалось быстро преодолеть тактическую зону обороны наших войск — Просчеты Ставки ВГК и командования фронта. Манштейн перехитрил Ватутина — Ожесточенные бои 9 июля — Наступление врага застопорилось.</i>	68

Глава 3

БОИ ПОД ПРОХОРОВКОЙ

10 и 11 ИЮЛЯ. ПОДГОТОВКА КОНТРУДАРА

Маништейн в предвидении встречи с танковыми резервами русских наращивает усилия на прохоровском направлении — Планы немецкого командования на 10 июля — Ватутин усиливает 69-ю армию, но ставит ей непосильную задачу — Ставка обеспокоена стремительным продвижением противника. Брань Молотова — Методы работы командующего фронтом. А где же начальник штаба? — Противник захватил плацдарм на северном берегу р. Псёл — Угроза прорыва тылового оборонительного рубежа 6-й гв. армии нарастает — Подход и развертывание армий Ротмистрова и Жадова — Замыслы сторон на 12 июля — Подготовка фронтового контрудара — Содержание боевых задач соединений 5-й гв. танковой армии. 187

Глава 4

ФРОНТОВОЙ КОНТРУДАР 12 ИЮЛЯ

Время контрудара перенесено — Неожиданный прорыв противником обороны 69-й армии — Обеспечить внезапность ввода в сражение танковой армии не удалось — Боевые действия в ходе фронтового контрудара. Вместо стремительного наступления танковая дуэль в неравных условиях — Что в действительности произошло на «танковом поле» 12 июля — Огромные потери танковой армии и доклад Василевского Сталину — Причины неудачи контрудара — Письмо Ротмистрова Жукову. Когда же командарм говорил правду? — Бои на флангах 5-й гв. танковой армии — Действия авиации в ходе контрудара — Немцы не заметили «величайшего» встречного танкового сражения. 272

Глава 5

КРАХ «ЦИТАДЕЛИ» И ЗАВЕРШЕНИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Вместо просимых трех корпусов Сталин присылает Ватутину Жукова — Эвакуация и восстановление поврежденной бронетехники. Чьи танки взрывали немцы — Сохранивший боеспособность противник проводит частную операцию — Бои на плацдарме и в междуречье — Выход со-

единений 48-го ск из окружения — Ватутин приказывает перейти к упорной обороне. Враг в это время выводит из боя и отводит свои главные силы — В сражение вступают войска Степного фронта. По приказу Сталина войска двух фронтов продолжают наступать вплоть до 30 июля — Во что обошлось нашим войскам «преследование разгромленного противника» 371

Глава 6

ИТОГИ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ И ПРОХОРОВСКОГО СРАЖЕНИЯ. ЦЕНА УСПЕХА

Победная реляция Ватутина. Рождение легенды о разгроме корпуса СС 12 июля — Оценка Ротмистровым и Жуковым результатов контрудара — Этапы оборонительной операции — Взгляды советских и российских историков на события под Прохоровкой. Сколько же всего танков и САУ участвовало в сражении 12 июля? — Обстоятельства принятия решения на контрудар, и почему он пришелся по наиболее сильной группировке противника — Потери сторон в бронетехнике и их соотношение — Потери войск фронта в живой силе, вопреки официальным данным, многократно превышают потери противника — Немцы о советских генералах и солдатах — Сталин назначает комиссию по поводу огромных потерь 5-й гв. танковой армии. Где и почему прячут результаты ее работы — Причины больших потерь советских войск — Мы победили, несмотря ни на что 456

Послесловие 567

Перечень сокращений 568

Приложения 573